

Э. С. Сергеевко, Русский говор поселка Нювчим Сыктывдинского района Коми АССР. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Сыктывкар 1969.

20 ноября 1969 г. на заседании Ученого совета Московского областного педагогического института им. Крупской Э. С. Сергеевко успешно защитила диссертацию на тему «Русский говор поселка Нювчим Сыктывдинского района Коми АССР». Оппонентами на защите выступили доктор филологических наук профессор Л. П. Грузов и кандидат филологических наук доцент Г. А. Хабургаев.

Русские говоры на территории распространения финно-угорских языков исследовались рядом известных лингвистов — русистов и финно-угроведов, например, А. А. Шахматовым, А. М. Селищевым, П. С. Кузнецовым, Р. И. Аванесовым, В. И. Лыткиным; В. Г. Орловой и др. Однако нельзя сказать, что северновеликорусские диалекты изучены достаточно полно. Многие диалектные группы, имеющие явно выраженные финно-угорские субстратные черты, еще ждут своих исследователей. В этом отношении диссертация Э. С. Сергеевко в определенной степени восполняет имеющийся в данном вопросе пробел. Несмотря на то что объектом изучения автор взял весьма ограниченную территорию — говор одного поселка, материал излагается на фоне данных других говоров, распространенных на территории Коми АССР, и северновеликорусского наречия.

В работе довольно внушительного объема (532 страницы машинописи) после небольшого введения дается анализ системы гласных и согласных фонем, изложены особенности морфологической системы, а также вопросы некоторых отличий говора в синтаксическом и лексическом плане. Приложение состоит из диалектологического словаря (1046 слов), текстов в транскрипции (39 отрывков, записанных от 20 информаторов), образцов фольклорных произведений, списка информаторов и библиографии.

Свои задачи диссертант сформулировала следующим образом: «В данной работе мы попытались дать описание фонетической и морфологической систем говора, освещая некоторые особенности фонетики

и морфологии в историческом плане; рассмотреть некоторые вопросы синтаксиса и лексики в связи с влиянием коми языка; определить тип говора, выяснить, как изменяется говор под влиянием литературного языка; какие специфические особенности говора исчезают в первую очередь, а какие являются более устойчивыми, выявить наиболее распространенные диалектные ошибки в письменной речи учащихся» (стр. 7). Работа посвящена одному из частных, но очень интересных вопросов многогранной проблемы двуязычия, послужившей предметом обсуждения на Всесоюзной конференции в Ашхабаде в октябре 1969 г. В диссертации вопрос освещен в лингвистическом аспекте. Следует отметить, что автор с поставленной задачей вполне справилась.

Изучена обширная литература по рассматриваемой теме. Об этом свидетельствует приложение — библиография, где отмечено 249 наименований. Следует, правда, заметить, что некоторые работы, изданные на иностранных языках (венгерском, финском), остались вне поля зрения автора, например, работы Д. Р. Фокош-Фукса, Э. Итконена, Т. Э. Уотила и др.

Выводы диссертанта достаточно аргументированы. Для подтверждения соответствующих положений приводятся данные не только из изучаемого говора, но также из коми языка (в плане выявления истоков субстратных явлений) или из различных севернорусских диалектов. В необходимых случаях делаются исторические экскурсы.

При определении места изучаемого говора в системе северновеликорусских диалектов правильно отмечается, что говор поселка Нювчим относится к вологодско-кировскому типу. Наиболее ценно с точки зрения русской диалектологии то, что в диссертации выявлены специфические черты изучаемого говора. При этом объяснение причин большинства особенностей диалекта вполне приемлемо. Источники характерных черт говора следует искать в окружающем его коми языке. Субстратными признаками надо считать:

наличие в говоре звука *õ*, мягкого чоканья, особое качество согласных *л', с', з'', т', д', н'*, отсутствие явления оглушения в абсолютном исходе, упрощение групп согласных в начале слова, наличие определенного круга лексики и фразеологизмов, ряд явлений в синтаксисе.

Что касается морфологии, то она в данном диалекте, по мнению автора, почти не имеет элементов субстратного характера. Относительно весьма слабая степень проницаемости морфологического строя имеет общезыковое свойство. Обнаруживающиеся в диалекте морфологические отличия отмечаются и в некоторых других севернорусских и сибирских диалектах русского языка. Они представляют собой определенные черты, сохранившиеся в данном говоре в результате неодинакового развития диалектов и нередко уходящие своими корнями в далекое прошлое русского языка.

Ниже будут отмечены некоторые недостатки работы.

Основной фонетический раздел диссертантом излагается на основе учения о фонеме, причем автор придерживается теории московской фонологической школы. Однако некоторые положения, выдвигаемые в диссертации, в фонологическом отношении аргументированы недостаточно. Так, на стр. 81 говорится о том, что звук *õ*, акустически близкий к редуцированному оттенку фонемы *a* литературного языка (*горьт, зьдават'*), является оттенком фонемы *õ*. Однако материалы говорят о самостоятельном характере этого гласного. Он встречается довольно часто, может быть как под ударением, так и в безударных слогах (*йешиõ, нãдõ*) или даже в абсолютном исходе (*откъл' прин'õс тõ*).

Ни в коей мере нельзя согласиться с утверждением о том, что чередование *и* с *ы* в случаях типа: *в ызбу, в ыркуцке* — специфически диалектное явление. Как известно всем русистам, эта черта относится к живому фонетическому чередованию современного русского языка. Гласные *ы* и *и*, имеющие особое положение в системе гласных, встречаются в ограниченных положениях: в исконно русских словах *ы* может быть только после твердых согласных и не в начальном положении, а *и*, наоборот, может быть в начале слова и выступает всегда после смягченных согласных. В приставочных образо-

ваниях и предложных конструкциях *и* может оказаться после твердых согласных, в таких случаях оно заменяется *ы*. Это фонетическое чередование нашло отражение и в русской орфографии (*история—предыстория, интересный—безынтересный*). Что касается фонологической трактовки некоторых авторов, признающих гласные *ы* и *и* оттенками одной фонемы, то хотелось бы отметить, что эти звуки, хотя и тесно связаны между собой, вполне самостоятельны. Сейчас в русском языке появилось множество слов, фиксируемых даже словарями с начальным *ы*. Правда, слова такого рода в основном нерусского происхождения, но от этого положение не меняется. Если в них носители русского языка без искажения произносят *ы*, значит, потенциально они возможны. Кстати, в рассматриваемом говоре начальное *ы* вполне может быть (ср. *ыб, ыбская: на ыб дорога пр'ам'ейе стала*).

Некоторые суждения о качествах звуков весьма приблизительны и не убедительны. Автор, к сожалению, не опирается на экспериментальные данные, поэтому основанные на субъективном методе описания носят весьма схематический характер. Например, на стр. 131 говорится о качестве *т', д'*, что они имеют меньшую степень палатализации («без фрикатизации и свистящего элемента»), но неясно, почему в тексте они отмечены как среднеязычные (*н'', л''*). Качественную характеристику следовало бы давать на основе применения объективных экспериментально-фонетических методов, получивших в наше время довольно широкое распространение. Соответствующие лаборатории, оснащенные современным оборудованием, имеются во многих городах. А такие приемы, как рентгенологическое изучение, могут быть применены всюду, где есть обычный рентгеновский аппарат.

Как известно, в языках имеются специфические законы сочетаемости звуков, законы дистрибуции. Одни сочетания могут быть только в середине слова, другие встречаются лишь в начале или конце слова. С этой точки зрения интересным представляется то место в диссертации, где говорится о своеобразном упрощении согласных в начале слова. В рассматриваемом диалекте мы имеем: *ного* вместо *много*, *де* вместо *где*, *къл'учи* вместо *включи* и др. Подобные явления связаны с

влиянием коми языка, где, как вообще во всех финно-угорских языках, в начале слова стечения согласных не может быть. Как правило, при заимствовании слов с начальными сочетаниями согласных во избежание непривычного явления один из согласных утрачивается или же появляется дополнительный гласный (ср. фин. *leitä* < рус. *клеймо*, фин. *raja* < рус. *край*, фин. *raida* < рус. *бранить*, мар. *тулка* < рус. *вулка*, мар. *ўстел* < рус. *стол*, мар. *ыстакан*, диал. *сакан* < рус. *стакан* и др.).

Большой интерес представляют многочисленные наблюдения диссертанта по интерференции субстратного характера. Автор, хорошо владея языком коренного местного населения (коми), в большинстве случаев дала правильное объяснение причинам развития тех или иных специфических особенностей диалекта (см. например, чередование твердого *l* с *v* и *й*: ассимилятивное изменение сочетания «согласный + ж»: *дй* > *д'д'*, *тй* > *т'т'*, *нй* > *н'н'*; отсутствие оглушения звонких согласных на конце, шепелявое произношение смягченных *с''*, *з''* и др.). Некоторые из названных явлений широко распространены, встречаются в ряде других говоров. Например, чередование твердого *l* с *v* и *й* является характерной чертой вологодско-кировского диалекта. Но это явление, наблюдаемое в говоре поселка Нювчим, по всей вероятности, тоже относится к признакам субстратного характера. Дело в том, что в коми языке, по данным В. И. Лыткина, древнее *l* в середине слова перед согласным и в конце слова перешло в *v* (см. В. И. Лыткин, Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам, Москва 1955, стр. 19).

Нет сомнения в том, что шепелявое произношение свистящих *с''*, *з''* обусловлено прямым воздействием финно-угорских языков. В этом отношении Д. В. Бубриков, А. М. Селищев, Р. И. Аванесов были правы. Как известно, в языке коми и сейчас эти согласные являются специфическими. Раньше, по-видимому, свистящие произносились шепеляво и в других родственных языках. В частности, причиной слияния свистящих с шипящими в марийском языке было, по всей вероятности, подобное качество их (ср. мар. *шыште* 'воск', коми *сись* 'свечка'; мар. *шоло*, коми *сюв* 'кишка').

Диссертант подробно анализирует фо-

нетические черты, сближающие данный диалект с другими говорами севернорусского типа. Однако эти черты известны в науке, поэтому с познавательной точки зрения, быть может, не представляют большого интереса, хотя в работе они даны со знанием дела и довольно основательно.

Раздел морфологии, на мой взгляд, менее интересен. Это объясняется не только тем, что морфологическая система более устойчива по отношению к иноязычному влиянию и в ней почти нет элементов субстратного характера, но и рядом неточностей самого изложения, материал подан несколько излишне схематично.

В говоре имеется множество форм архаического характера, но объяснены они с точки зрения исторического развития не всегда правильно. Например, о слове *с'евод'н'и* диссертант пишет: «Слово *с'евод'н'и* распространено в говоре с конечной гласной *и* вместо *'а*. Здесь, очевидно, гласная *а* приняла более передний оттенок и перешла в гласную *и*» (стр. 102). Это явное недоразумение, подобное фонетическое объяснение не может быть принято. Известно, что данное существительное относилось раньше к типу склонения с основой на согласный (*день* — *дъне* — *дъни*). Когда же начался процесс унификации типов склонения, оно постепенно перешло во II склонение (с основой на *-о*, *-йо*), но не сразу, а через древний IV тип склонения (с основой на *й*), т. е. в определенный период развития русского языка это слово изменялось по падежам согласно типу современного слова *путь*, в диалектах сохранились как раз общие с существительными IV или современного III склонения формы.

На стр. 189 дана неточная формулировка: «Широко распространенная флексия *-у(-'у)* представляет собой с точки зрения происхождения результат влияния первоначальных основ на *ц*, утратившихся в языке, на основы на *-о*». Хотя автор ссылается на целый ряд авторитетных историков языка (А. А. Шахматова, А. И. Соболевского, С. П. Обнорского, Л. А. Булаховского), ляпсус следует исправить, речь должна идти не об основах на *ц*, а об основах на *й*.

В работе отмечается ряд общих для севернорусских говоров морфологических явлений, например, особенности ро-

довой формы (*кедра, свитра, дитя* — жен. рода, *путь* — жен. рода, *дрожь* — муж. рода), отклонения в формах числа (родительный падеж мн. числа: *куницов, вишнев, туфлов, делов, болотов, портфелов*; творительный падеж мн. числа: *с рогаткам*; более широкое распространение получила форма на *у* в родительном падеже ед. числа у существительных мужского рода: *ис с"ел"совету*); изменение существительных на *-мя* по типу второго склонения (*врем'о, им'о, вым'о*); употребление форм косвенных падежей местонимения 3-го лица с предлогами без *н* (*у его, возле ее, среди их*), наличие инфинитива на *-чи* (*п'екч"и, лекч"и*) и др. Интересны небольшие разделы, касающиеся явлений лексики, фразеологии, синтаксиса.

В диссертации Э. С. Сергеенко, написанной в целом хорошим языком, есть и

стилистические погрешности. Например, на стр. 212: «Форма *-ен* встречается в говоре в речи передовых носителей говора...». Подобные недочеты встречаются на стр. 6, 7, 52, 57, 212 и др. Неточности в отдельных случаях имеются и в транскрипционных записях. Отмечено, что в говоре звонкие шумные в абсолютном исходе оглушаются, в тексте же встречаются формы с конечным глухим, см. на стр. 263: *пек'от'е хороший хл'ен*.

По теме диссертации опубликовано достаточное количество работ, автор указывает всего девять названий. В целом следует отметить, что рецензируемая диссертация, несмотря на имеющиеся некоторые недочеты, вполне отвечает требованиям, предъявляемым к ней.

Л. П. ГРУЗОВ (Йошкар-Ола)

М. П. Трощева, Наречия в современных мордовских языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1968.

17 октября 1969 г. на Ученом совете историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук преподавательницей Мордовского государственного университета М. П. Трощевой на тему «Наречия в современных мордовских языках». Официальными оппонентами оценке работе дали доктор филологических наук П. Алврэ (Тарту) и кандидат филологических наук А. П. Феоктистов (Москва).

1

М. П. Трощева рассматривает в своем исследовании, насчитывающем 260 страниц машинописи, наиболее сложный и запутанный вопрос мордовских языков — проблему полного и всестороннего выявления признаков наречия как самостоятельной грамматической категории. Эта тема весьма актуальна, причем не только с позиций мордовских языков. Для изучения мордовских наречий данное исследование, несомненно, послужит прочной основой. В диссертации М. П. Трощевой приводится богатейший сравнительный языковой материал из других финно-угор-

ских языков, в частности из прибалтийско-финских, и поэтому результаты ее работы представляют интерес не только для изучающих мордовские языки, но и для более широкого круга финно-угроведов. В связи с этим следует отметить, что решение отдельных вопросов эстонского, а также других прибалтийско-финских языков в историческом аспекте непосредственно зависит от того, насколько достоверными будут результаты изучения волжских языков.

Диссертация состоит из введения, трех глав, общих выводов и списков использованной научной и художественной литературы.

В вводной части (стр. 1—22) дан краткий обзор взглядов финно-угроведов и русских лингвистов на природу такой спорной лексико-грамматической категории, как наречие, которое до конца 40-х годов XX в. учеными-мордвооведами в особую часть речи не выделялось. Здесь же определены цели и задачи диссертации, указаны источники, на которых базируется исследование М. П. Трощевой.

В первой главе (стр. 23—74) наречия классифицируются по их семантике. В результате проведенного анализа автор